

ЧАРЛЬЗ БРАНДТ

ИРЛАНДЕЦ

«Я слышал,
ты красишь дома»

Чарльз Брандт
Ирландец. «Я слышал,
ты красишь дома»
Серия «Кинопремьера
мирового масштаба»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28528335

Ирландец. «Я слышал, ты красишь дома»: ООО «Издательство

«Эксмо»;

ISBN 978-5-04-188111-5

Аннотация

«Я слышал, ты красишь дома» на языке мафии означает «Я слышал, ты убиваешь людей». Под «краской» подразумевается кровь. Это тот редкий случай, когда боссы мафии признали книгу о себе правдивой, – штатный киллер одной из «семей» Фрэнк «Ирландец» Ширан рассказал о своей жизни перед самой смертью. Его истории, затаив дыхание, слушали опытные прокуроры и агенты ФБР. Впервые преступник такого уровня нарушил «омерту» – закон молчания.

Хулиганская юность в годы Великой депрессии, первый запах крови во Вторую мировую, случайное попадание в закрытый мир итало-американской мафии, выход из которого дороже входа – когда тебе нужно выбрать между своей жизнью и жизнью

лучшего друга. Документальная сага о легендарной эпохе 1950–1970-х, когда мафия вступила в борьбу за власть в Америке, подкупая одних и убирая других. Почему был убит президент Кеннеди и почему от этого проиграли все? Кто был прототипом крестного отца в знаменитом фильме? Кто расправился с главным профсоюзным боссом и миллиардером Джимми Хоффой – посмертным героем уже четвертой экранизации? И что заставило его убийцу Фрэнка «Ирландца» Ширана прийти к исповеди? Увлекательная и остросюжетная, книга Чарльза Брандта стала мгновенной классикой в жанре тру-крайм.

Содержание

Признательность автора	6
Пролог	10
Глава 1	20
Глава 2	41
Глава 3	49
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Чарльз Брандт

Ирландец. «Я слышал, ты красишь дома»

Charles Brandt

“I HEARD YOU PAINT HOUSES”: Frank “The Irishman”
Sheeran and Closing the Case on Jimmy Hoffa
Copyright © 2016 by Charles Brandt

© Мордашев Е. А, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

*Посвящается моей жене Нэнси Пул Брандт,
нашим детям и их супругам – Триппу и Эллисон,
Мими и Джону, Джесси Роуз и Алексу, и нашим
внукам – Мэгги, Джексону, Либби и Александру.*

*В память о наших родителях – Каролине
ДиМарко Брандт, Чарльзе П. Брандте, а также
Мэгги и капитане Эрле Т. Пуле.*

*В память о моих бабушке и дедушке по матери
– Розе и Луиджи ДиМарко из итальянской области
Марке, которым я обязан всем.*

Признательность автора

Хочу поблагодарить мою восхитительную, талантливую, замечательную жену Нэнси, которая подвергла перед отправкой издателю все главы и корректуры тщательной, добросовестной и вдумчивой проверке. Пока я работал над книгой в Нью-Йорке и Филадельфии, Нэнси занималась всем, до чего у меня не доходили руки, оказывала мне поддержку, подбадривала и вдохновляла. Во время наших с ней визитов к Фрэнку Ширану тот молодец на глазах. Также я благодарен нашим детям, всегда готовым помочь – Триппу Виру, Мими Вир и Дженни Роуз Брандт.

Благодарю мою замечательную мать, которая в свои 89 лет готовила мне блюда итальянской кухни, терпела мои выходки и вселяла в меня энтузиазм на протяжении недель бдений перед ноутбуком в ее манхэттенской квартире.

Я признателен Уильяму Дж. Томпсону, моему доброму другу и знаковой фигуре в издательском мире (в свое время он первым издал Стивена Кинга и Джона Гришема), который не жалел времени на консультации со мной в ходе реализации этого проекта.

Мне несказанно повезло, когда Фрэнк Уаймэн из «Группы литераторов» дал согласие стать моим агентом. Фрэнк проявил искренний интерес к сюжету, который многие без долгих раздумий положили бы под сукно; именно ему книга

обязана своим названием, именно он помог Фрэнку Ширану избрать верное направление в ходе последнего интервью.

Стоило ныне покойному Нейлу Решену предложить моему агенту связаться с издательством «Стирфорт пресс», как книга неожиданно для нас обрела толкового и деятельного издателя, с которым мы подружились. Спасибо тебе, Нэйл, за то, что направил нас к непревзойденному Чипу Флейшеру и его помощнице Хельге Шмидт.

Спасибо и писателям, таким, как Дэн Молдеа, Стивен Брилл, Виктор Ризель и Джонатан Квитны, чьи профессиональные и смелые расследования проливают свет на очень многое из истории Джимми Хоффа, в том числе на эпоху, в которую он жил, и на обстоятельства его исчезновения.

Выражаю благодарность отставному специальному агенту ФБР Роберту Э. Гэррити за его деятельность в ходе расследования обстоятельств исчезновения Хоффа. Если бы не он и его коллеги, я не мог бы и мечтать о написании этой книги.

Спасибо всем агентам, следователям и прокурорам, а также их помощникам, благодаря чьим усилиям создавались новости и репортажи, из которых я черпал информацию.

Спасибо моему изобретательному двоюродному брату Кармине Зоззора за то, что он поддерживал меня в рабочем состоянии, когда мне приходилось туго; в особенности когда я ныл, он повторял: «Просто напиши книжку, остальное само сложится».

Воистину, сам Господь наградил меня такой отзывчивой

сестрой Барбарой и ее мужем Гарри – четой Голдсмит и их семейством – Денисом, Лаурой-Роуз, Паскалем, Лукасом и Рози.

Огромнейшее спасибо всем моим чудесным друзьям и всей моей семье за поддержку при написании книги и за новое послесловие к ней. Кроме того, я благодарен всем тем, к кому обращался за советами и поддержкой – в частности, Марти Шафрану, Питеру Бошу, Стиву Симмонсу, Джеффу Вайнеру, Трэйси Бэй, Тео Гунду, Джо Пистоне, Лину ДеВеккьо, Элу Мартино, Лесли Литлу, Роланду Делонгу, Колину Дженсену, Эду Гарднеру, Черил Томас, Кэтлин и Джерри Чамейлс. Также я в неоплатном долгу перед Робом Сатклиффом.

Благодарю Линн Шафран за ее советы и в особенности за то, что познакомила меня и Нэнси с Тэдом Фьюри. Огромное спасибо тебе, Тэд.

Спасибо моему другу Ури Шулевитцу, титулованному иллюстратору, писателю и художнику, который еще два десятка лет тому назад сподвиг меня стать профессиональным писателем.

Подниму бокал с лимонадом за моего покойного дядю из Сассано, профессора Фрэнка Зоззора, пестовавшему меня не только во время учебы в университете Делавера, но и после его окончания.

И в заключение огромная благодарность моему учителю английского языка в 11-м классе в школе «Стайвисент хай

скул» (выпуск 1957 года) Эдвину Хербсту.

Пролог

«Расс и Фрэнк»

В летнем коттедже у озера, в комнате, заполненной плачущими и встревоженными членами семейства Джимми Хоффа, агенты ФБР обнаружили желтый блокнот. Блокнот этот лежал у телефона. На блокноте рукой Хоффа было написано карандашом: «Расс и Фрэнк».

Упомянутые «Расс и Фрэнк» были закадычными друзьями и верными соратниками Хоффа. Высоченный мускулистый здоровяк Фрэнк проявил себя вернейшим союзником и другом Джимми в пору конфликтов того с законом и с Бобби Кеннеди, и Хоффа считал его членом своей семьи.

В тот день собравшиеся у озера члены семьи в глубине души считали, что вечно опасавшийся врагов и посему недоверчивый и осторожный Джимми мог допустить к себе лишь самых преданных, то есть тех, кто в конечном итоге с ним и расправился. Именно тогда «Расс и Фрэнк», то есть инфорсер¹ Фрэнк Ширан (он же Ирландец) и его крестный отец Рассел Буфалино (он же Макги), открыли список главных подозреваемых в деле самого сенсационного исчезновения в

¹ Инфорсер – член гангстерской банды, функцией которого является принуждение к выполнению ее требований или приведение в исполнение ее приговоров. – *Здесь и далее примечания переводчика в виде сносок.*

истории Америки.

Нет такой книги или исследования на тему исчезновения Хоффа, где бы не утверждалось, что именно Фрэнк Ширан (Ирландец), всегда и во всем поддерживавший Джимми в профсоюзе «Тимстеров»², выступил против своего ментора и друга. Утверждается, что именно Ширан был главным заговорщиком и преступником, на глазах которого и расправились с Хоффа, и что убийство было задумано и осуществлено Расселом Буфалино (Макги). В списке книг на эту тему есть и кропотливые исследования, такие, как «Войны, которые вел Хоффа» Дэна Молдеа, «Тимстеры» Стивена Брилла, основателя телекомпании «Court TV», «Хоффа» профессора Артура Слоуна.

7 сентября 2001 года, то есть спустя 26 с лишним лет после загадочного исчезновения, член семьи Хоффа, находившийся в тот страшный и тяжелый день в коттедже у озера вместе с сестрой и матерью, созвал пресс-конференцию. Это был сын Джимми Хоффа, Джеймс П. Хоффа, президент профсоюза дальнобойщиков «Тимстеры». Он решил проинформировать о новом повороте в деле исчезновения его отца. ФБР объявило о том, что подвергнутый анализу ДНК волос, обнаруженный агентами в автомобиле, который давно считался использовавшимся при преступлении, действительно принадлежал Джимми Хоффа. Корреспондент «Фокс Ньюс» Эрик Шон спросил Джеймса, могли ли

² Тимстер – водитель-дальнобойщик.

главные подозреваемые обманным путем вынудить его отца сесть в этот автомобиль. Просмотрев список подозреваемых, Джеймс Хоффа отрицательно покачал головой: «Нет, отец никого из этих людей не знал». На вопрос Эрика Шона о том, мог ли Фрэнк Ширан заманить его отца в упомянутый автомобиль, Джеймс кивнул в знак согласия: «Вот с ним он сел бы в эту машину».

В заключение пресс-конференции Джеймс высказал пожелание о том, чтобы попытаться поставить точку в расследовании этого дела на основе «признания умирающего». На момент пресс-конференции Фрэнк Ширан оставался единственным живым из всех первоначально проходивших по делу в качестве подозреваемых и в том возрасте, который уже давал основания для «признания умирающего». Пресс-конференция состоялась всего за 4 дня до трагических событий 11 сентября 2001 года, после чего запланированное участие Джеймса П. Хоффа в шоу Ларри Кинга было отменено.

Месяц спустя, когда история Хоффа была потеснена с первых страниц газет, единственная дочь Джимми Хоффа, судья Барбара Крэнсер, позвонила Фрэнку Ширану из своего офиса в Сент-Луисе. Судья Крэнсер вполне в духе своего легендарного отца немедленно перешла к делу и попросила Ширана без утайки поведать ее семье обо всем, что ему известно об исчезновении отца. «Решитесь, наконец», – попросила она. Но Ширан, следуя советам своего адвоката, так ни на что не решился, лишь учтиво посоветовав ей обратиться

опять же к его адвокату.

Это был уже не первый раз, когда судья как устно, так и письменно взывала к чувствам Ирландца в попытке выудить из него секреты. 6 марта 1995 года Барбара писала Фрэнку: «Я твердо верю в то, что есть люди, и немало, до сих пор считающие себя верными друзьями Джеймса Р. Хоффа, и все они знают, что тогда произошло с ним, как и о том, кто стоял за всем этим и почему с ним так обошлись. И мне больно, что до сих пор никто из них так и не признался нашей семье – пусть даже взяв с нас обещание хранить все в тайне, – как же все-таки все было на самом деле. Полагаю, что и вы относитесь к этим людям».

25 октября 2001 года, неделю спустя после телефонного звонка Барбары, Ширан, которому было уже за 80 и который мог передвигаться лишь на ходунках, услышал стук в дверь квартиры на первом этаже, где он проживал. Пожаловали двое молодых агентов ФБР. Оба держались дружелюбно, непринужденно и весьма уважительно с человеком, находившимся на закате жизни. Они надеялись на то, что прожитые годы смягчили его, а возможно, и заставили раскаяться в содеянном. А пришли они по поводу вышеупомянутого «признания умирающего». Они сказали, что, дескать, слишком молоды, чтобы помнить об этом событии, зато прочли больше тысячи страниц дела. Визитеры не скрывали, что они в курсе его телефонного разговора с Барбарой; более того, заявили, что даже обсуждали это с ней. Но, как это уже по-

велось с 30 июля 1975 года, Ши-ран печальным голосом посоветовал им обратиться к его адвокату, бывшему окружному прокурору Филадельфии Эммету Фицпатрику, эсквайру.

Так и не сумев склонить Ширана к «признанию умирающего» и сотрудничеству, ФБР 2 апреля 2002 года заявило о том, что дело, насчитывавшее 16 000 страниц, было передано окружному прокурору Мичигана, а 1300 страниц из него – в СМИ и двум детям Джимми Хоффа. Выдвижение обвинений на федеральном уровне не предполагается. В конце концов, даже ФБР по проществу без малого 27 лет оставило все попытки докопаться до истины.

3 сентября 2002 года, то есть год спустя после пресс-конференции Джеймса Хоффа, прокуратура округа Мичиган также решила закрыть дело, выразив «самые искренние соболезнования» детям Хоффа.

Заявив об этом решении СМИ, окружной прокурор Мичигана Дэвид Горсика, в частности, сказал: «Увы, но все это очень походит на детективный роман без заключительной главы».

Мне приходилось слышать такое и в адрес моей книги «Я слышал, ты красишь дома», что, мол, и она – «детективный роман». Это детектив, но никак не роман. Это история, рассказанная в форме личных бесед с Фрэнком Шираном, большинство из которых было записано на пленку. Первое такое интервью состоялось в 1991 году на квартире Ширана вско-

ре после того, как нам с моим коллегой удалось выхлопотать для Ирландца досрочное освобождение из тюрьмы по причине ухудшившегося здоровья. Вскоре после самого первого интервью в 1991 году Ширан, догадавшись, что беседа с ним очень уж походит на допрос, наотрез отказался сотрудничать с нами. И выразил мне явное недовольство. Я попросил Ширана связаться со мной, если он все же изменит свое отношение.

В 1999 году дочери Ширана организовали встречу их престарелого и к тому времени немощного отца с монсеньором³ Эльдусором из церкви Святой Доротеи в Филадельфии. Встреча эта состоялась, монсеньор даровал Ширану отпущение грехов и, как следствие, возможность захоронения на католическом кладбище. Фрэнк Ширан признался мне: «Верю в то, что смертью все не заканчивается. И если все так, не хотелось бы упустить свой шанс. Так что лучше попытаться».

Вскоре после аудиенции у монсеньора Ширан встретился со мной. По его желанию я пришел в контору его адвоката. На той встрече он заявил о готовности ответить на все мои вопросы. Наши встречи продолжались в течение пяти лет. В ходе этих интервью мне пришлось вспомнить о навыках, приобретенных в бытность мою обвинителем по делам об убийствах, выносившим смертные приговоры, преподавателем, читавшим студентам курс по перекрестным допро-

³ Монсеньор – в англоязычных странах: обращение к удостоенным особых наград или почестей священнослужителям церквей.

сам, и автором нескольких статей на тему правила Верховного суда США о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, затрагивавшим вопросы признаний.

«Ты – самый въедливый из всех копов, с которыми мне приходилось иметь дело» – так однажды заявил мне Ширан.

Я потратил бессчетное количество часов на общение с этим Ирландцем, на встречи с предполагаемыми гангстерами, побывал в Детройте на месте исчезновения Хоффа, съездил в Балтимор и побывал в двух местах, где Ширан обстрепывал свои тайные делишки, встречался с адвокатом Ширана, его семьей и друзьями – и все ради того, чтобы поближе узнать того, кого я интервьюировал. А сколько я провисел на телефоне, сколько времени ушло на личные встречи, в ходе которых я тщательно отбирал материал для будущей книги!

Зачастую мне приходилось вновь и вновь убеждаться в верности золотого правила любого расследования: преступник стремится к признанию, даже если он все отрицает. Это как нельзя лучше подходило и к Фрэнку Ширану. Второе правило – дай допрашиваемому выговориться. И это никогда не было проблемой в ходе моих интервью с Ирландцем. Пусть говорит, правда рано или поздно выплывет.

Какая-то часть натуры Фрэнка Ширана страстно желала признания во всем, и достаточно давно. В 1978 году возникла ситуация, когда Ширан, будучи в состоянии опьянения, признался во всем Брилли, автору книги «Тимстеры». Во всяком случае, в ФБР считали именно так и настаивали на

выдаче Бриллом магнитофонных записей. Дэн Молдеа, автор книги «Войны, которые вел Хоффа», написал в одной из статей, что однажды во время завтрака в отеле Брилл рассказал ему о том, что, дескать, располагает записью признания Ширана. Однако Брилл, видимо, из опасений угодить в свидетели, нуждающиеся в защите, решил публично опровергнуть это в «Нью-Йорк таймс».

В соответствии с этим в ходе этих изнурительных интервью автор все же предпринял попытку сохранить за Шираном право оспорить сказанное им и не позволить суду истолковать его слова как официальное признание в содеянном.

После того как книга была закончена, Фрэнк Ширан поглавно прочел и одобрил ее. Потом перечитал ее вновь и одобрил всю рукопись в целом.

14 декабря 2003 года Фрэнк Ширан умер. За полтора месяца до смерти на последней стадии болезни он дал мне последнее интервью уже на больничной койке. Он сообщил мне, что исповедовался у пастора и получил от него отпущение грехов. Намеренно избегая обтекаемых юридических терминов, Фрэнк Ширан в этот «момент истины» смотрел прямо в объектив камеры. Держа в руке экземпляр этой книги, он подтвердил все, что в ней написано, и свою роль в произошедшем 30 июля 1975 года с Джимми Хоффа.

На следующий день, может, чуть позже, но до того, как Фрэнк Ширан окончательно впал в беспамятство, он попросил меня вместе с ним обратиться с молитвой к Господу.

Все сказанное Фрэнком Шираном автор отдает на суд общественного мнения читателя, которому в контексте истории минувшего века и предстоит вынести свой вердикт.

Стержень повествования – неповторимая и захватывающая биография Фрэнка Ширана. Этот умный ирландец, воспитанный в строгом католическом духе, был трудным ребенком Великой депрессии, закаленным в боях героем Второй мировой войны, высокопоставленным функционером «Международного братства дальнобойщиков», тем, кого в контексте «Закона об инвестировании полученных от рэкета капиталов» Руди Джулиани назвал «сообщником» главарей «Коза Ностры» (одним из всего двух не итальянцев в списке 26 боссов и андербоссов Боннано, Дженовезе, Коломбо, Луккезе, а также преступных семей Чикаго и Милуоки). Его называли и опасным уголовником, и инфорсером, он был известен и как верный друг и любящий отец четырех дочерей и дед.

Именно потому, что, кроме всего дурного, в жизни Фрэнка Ширана были и светлые моменты, я решил присоединиться к тем, кто нес зеленый ирландский гроб, обернутый американским флагом.

Это финальная часть трагедии Хоффа, преступления, затронувшего всех и каждого, кто был с ним связан, включая и тех, кто совершил его. Преступления, которое сильнее всех ранило его семью, изо всех сил пытавшуюся добиться ясно-

сти в вопросе обстоятельств его гибели.

Примечание автора. Отдельные фрагменты интервью в этой книге помечены кавычками – это расшифровка интервью Ширана. Часть текста и некоторые главы книги вышли из-под пера автора и содержат ряд критических замечаний и пояснений.

Глава 1

«Они не осмелятся»

«Я спросил у моего босса Рассела Макги (Буфалино): может, мне стоит позвонить Джимми в его дом в Лейк Орионе? Цели мои были самые мирные. Я лишь пытался тогда отвратить Джимми от того, что произошло с ним.

Я дозвонился до Джимми в воскресенье днем 27 июля 1975 года. А исчез Джимми во вторник, 30 июля. Так сказать, отправился в Австралию. Печально все это, потому что мне будет не хватать моего друга до тех пор, пока я не последую за ним.

Звонил я в его домик в Лейк Орион под Детройтом по междугородному телефону из своей квартиры в Филли. Будь я в курсе дела в то воскресенье, я воспользовался бы телефоном-автоматом, а не своим домашним. Я бы не протянул столько лет, если бы обсуждал серьезные вещи по домашнему телефону. А меня не пальцем делали – папаша мой обрюхатил маму, чем и как полагается.

Пока я стоял на кухне у моего дискового настенного аппарата, готовясь набрать номер, который знал наизусть, я раздумывал, с чего начать разговор с Джимми. По опыту переговоров, когда я был в профсоюзе, я знал, что сначала не худо бы прокрутить в голове то, что ты собрался сказать, а

уж потом и рот раскрывать. К тому же разговор предстоял нелегкий.

Когда Джимми, выйдя в 1971 году из тюрьмы по президентскому помилованию Никсона, стал оспаривать запрет на свое президентство в профсоюзе, с ним стало сложно разговаривать. Такое иногда случается с теми, кто выходит на волю. Джимми в ту пору удержу на язык не знал – и по радио, и по телевидению, и в газетах. Стоило ему рот раскрыть, как он тут же принимался рассуждать, как он еще покажет мафии и выставит всех этих тварей из профсоюза. Договорился даже до того, что, мол, не позволит мафии запускать руки в пенсионный фонд. Кому понравится, если кто-то там собрался прирезать курицу, которая золотые яйца несет, да еще в твой карман? Сказать, что Джимми слишком уж налегал на критику, значит, ничего не сказать, в особенности принимая во внимание, что это сам Джимми и никто другой протащил этот сброд в профсоюз и, самое главное, допустил до пенсионного фонда. И в профсоюз Джимми пристроил меня через Рассела. И меня здорово расстроило, что Джимми подкапывается под моего друга.

Я давно начал тревожиться, еще за девять месяцев до этого телефонного звонка, сделанного по разрешению Рассела. Джимми тогда вылетел в Филли выступить главным оратором в «Казино Латин» на вечере в честь Фрэнка Ши-рана. Там было 3000 приглашенных – близкие друзья, родственники, сам мэр, окружной прокурор, ребята, с которыми я вме-

сте воевал, певец Джерри Вэйл, танцовщицы «Голддиггер Дэнсерс» с ногами от ушей, да и полно других гостей, которых ФБР записало бы в «Коза Ностру». Джимми преподнес мне золотые часы, инкрустированные бриллиантами. Потом, обедая взглядом публику с возвышения в зале, заявил: «Вот уж не думал, что ты так силен». Из его уст это прозвучало странновато, ибо Джимми Хоффа был одним из двух величайших людей, с которыми мне довелось встретиться в жизни.

Еще не успели подать стейки, мы еще только фотографировались, как вдруг одно из ничтожеств, с которым Джимми отбывал срок, возьми да попроси у него десять кусков на бизнес. Джимми сунул руку в карман и выдал ему две с половиной штуки. Таков был Джимми – добрая душа.

Разумеется, присутствовал и Рассел Буфалино. Он – второй величайший человек, которого я знал. Джерри Вэйл спел любимую песенку Расса «Spanish Eyes» лично для него. Рассел был боссом семьи Буфалино с севера Пенсильвании, большей части штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Флориды. Резиденция у него была не в самом Нью-Йорке, поэтому он не входил в пятерку главных нью-йоркских семейств. Но все равно все эти семейства обращались к нему за советом. Если подворачивалось важное дельце, которое непременно надо было провернуть, его поручали Расселу. Его уважала вся страна. Когда в нью-йоркской парикмахерской застрелили Альберта Анастасиа, семья поручила Расселу присматривать

за делами до тех пор, пока они не утрясли все вопросы. Трудно представить себе того, кого уважали бы больше, чем Рассела. Он был очень влиятельным. Широкой общественности он был неизвестен, но все семьи и федералы⁴ знали, насколько он влиятелен.

Рассел преподнес мне золотой перстень, изготовленный по его спецзаказу всего для троих – для себя, для своего заместителя и для меня. Сверху на нем была помещена монета в 3 доллара⁵ в окружении бриллиантов. Расса очень ценили в кругах скупщиков драгоценностей и домушников. Он был пассивным компаньоном⁶ в нескольких ювелирных магазинах Нью-Йорка.

Золотые часы, подаренные мне Джимми, я ношу и сегодня, как и подаренный Расселом перстень. А на другой руке у меня перстень с камнями по месяцам рождения дочерей.

Джимми и Рассел были похожи. Мускулов обоим было не занимать, и оба были низкорослыми даже для тех времен. Росс был ростом 174 см, а Джимми примерно 166 см. В те времена я был где-то 192 см, и мне всегда приходилось наклоняться, когда мы разговаривали. Оба были умницы. Они

⁴ Федералы (здесь) – сотрудники федеральных служб США.

⁵ (англ. *Quarter Eagle*) – золотые монеты США номиналом в 3 доллара, которые чеканились с 1854 по 1889 год. За все время было отчеканено немногим более 530 тысяч экземпляров. Из-за относительно малого суммарного тиража имеет большую нумизматическую ценность.

⁶ Пассивный компаньон – компаньон, представляющий фирму, но активно не участвующий в ведении дел.

были сильны как физически, так и умственно. В одном они разнились – и это важно: Расс был тихоней и неразговорчивым, никогда не орал, даже если его взбесить. А Джимми, тот с полоборота заводился, так что ему часто приходилось сдерживаться. И еще он обожал известность.

Вечером до банкета в мою честь мы с Рассом переговорили с Джимми. Мы сидели за столиком в ресторане «Бродвей Эдди», и Рассел Буфалино напрямик заявил Джимми Хоффа, чтобы тот прекратил попытки стать президентом профсоюза. Сказал ему, что, мол, кое-кто ничего не имеет против Фрэнка Фицсиммонса, который замещал Джимми, пока тот сидел. Кто именно, сказано не было, но все поняли, что речь шла о людях, которые были рады без проблем получать большие кредиты из пенсионного фонда дальнобойщиков, поскольку уломать этого Фицсиммонса ничего не стоило. Они получали денежки и при Джимми, когда он был при делах, да и Джимми кое-что имел с этого, но все кредиты предоставлялись на условиях Джимми. А Фитца эти ребята нагнули. Впрочем, Фитца ничего, кроме выпивки и гольфа, не интересовало. Думаю, нет смысла растолковывать, сколько денег можно отжать из миллиардного пенсионного фонда.

Рассел тогда сказал:

– Ради чего ты на это нацелился? Деньги тебе вроде как не нужны.

А Джимми ему ответил:

– Дело не в деньгах. Я не позволю Фитцу подмять проф-

союз.

После этих посиделок я уже собрался отвезти Джимми обратно в отель «Уорик», когда Расс отвел меня в сторонку и шепнул:

– Поговори со своим другом. Объясни ему, что это такое.

На нашем языке это означало не что иное, как смертельную угрозу.

Уже в «Уорике» я сказал Джимми, что, если он не передумает возвращаться в профсоюз, в таком случае ему неплохо было бы обзавестись телохранителями.

– Если я пойду на это, они достанут мою семью.

– Хотя бы не ходи по пустынным улицам.

– Хоффа никому не запугать. Я намерен сместить Фитца и выиграть эти выборы.

– Ты же понимаешь, что это значит, – сказал я. – Сам Расс велел мне все тебе растолковать.

– Они не посмеют, – рявкнул в ответ Джимми Хоффа, сверля меня взглядом.

Остаток вечера и за завтраком на следующее утро Джимми говорил и говорил, переворачивая все с ног на голову. Если задним числом вспомнить об этом, нервишки у него сдавали, но я не припомню случая, чтобы Джимми показал, что боится. Хотя то, что он услышал от Рассела за столиком «Бродвей Эдди» в вечер перед банкетом, повергло бы в ужас любого храбреца.

А теперь я застыл у телефона у себя на кухне в Филадель-

фии. Прошло уже девять месяцев с того самого банкета в мою честь. И я собирался позвонить Джимми Хоффа в его домик в Лейк Орион, в душе надеясь, что он за это время все же передумал возвращаться в профсоюз.

– Мы с моим другом отправляемся на свадьбу, – сказал я.

– Я понял, что вы с другом будете на свадьбе, – ответил Джимми.

Джимми понял, что «мой друг» – Рассел; по телефону имена не в ходу. А под свадьбой имелась в виду свадьба дочери Билла Буфалино в Детройте. Билл и Рассел не были родственниками, но Рассел позволил ему называть себя его двоюродным братом. Это помогло Биллу подняться. Он был адвокатом у Тимстеров в Детройте.

У Билла Буфалино был особняк в Гросс-Пойнте с водопадом и бассейном. А через бассейн был перекинут мостик – на одной стороне бассейна женщины, на другой мужчины. Так что можно было обо всем без проблем поговорить. Да и женщинам было не до чьих-то там разговоров, они во все уши слушали популярную песенку – «I Am Woman, Hear Me Roar» – в исполнении Хелен Редди.

– Тебя, как мне кажется, на свадьбе не будет? – спросил я.

– Джозефин не любит, когда люди начинают пялиться, – ответил он.

Джимми не нужно было объяснять. Речь шла о фэбээровской записи телефонного разговора, каким-то образом ставшей известной. На ней кто-то обсуждал якобы имевшую ме-

сто давнюю внебрачную связь его жены Джозефин со служившим в Детройте солдатом Тони Чимини.

– Да брось ты! Никто в эту ерунду не верит, Джимми. Думаю, не из-за этого ты не хочешь пойти.

– Черт возьми! Они думают, что запугают Джимми Хоффа.

– Все беспокоятся о том, что, мол, ситуация выходит из-под контроля.

– У меня есть способ защитить себя. Есть кое-какие записи.

– Джимми, даже мой друг и тот обеспокоен.

– Кстати, как там дела у твоего друга? – со смехом поинтересовался Джимми. – Рад, что он решил эту проблемку на прошлой неделе.

Джимми имел в виду выигранный Рассом в Буффало процесс по делу о рэке.

– Все у моего друга путем, – ответил я. – Это он надоумил меня позвонить тебе.

Оба этих уважаемых человека были моими друзьями, да и сами они дружили. Рассел познакомил меня с Джимми еще в 50-е годы. В то время мне приходилось думать о своих трех дочерях».

«Я лишился места шофера мясного рефрижератора в компании «Фуд Фэйр», когда они меня застукали – я, так сказать, попытался стать партнером в их бизнесе: воровал говя-

дину и курятину, а потом сбывал в их же рестораны. Работа осталась только временная и уже за рамками профсоюза – замещать заболевших водителей. И кроме того, я давал уроки бальных танцев, а вечерами в пятницу и субботу еще подрабатывал вышибалой в черном клубе «Никсон боллрум».

Иногда выполнял заказы для Рассы – не за деньги, просто из уважения. Я никогда не был наемным киллером. Просто ковбоем. Выполнял небольшие поручения. Помогал. Ты помогаешь, и тебе в случае нужды помогут.

Посмотрев фильм «В порту», я подумал, что ничем не хуже этого Марлона Брандо. И сказал Рассу, что, мол, неплохо бы мне влезть в профсоюз. Мы тогда еще сидели в баре в Саут-Филли. Он созвонился с Джимми, который был в Детройте и дал мне трубку. Первое, что я услышал от Джимми: «Я слышал, ты красишь дома». Под этим подразумевалось, что ты приканчиваешь, кого попросят, забрызгивая кровью стены и пол. Я ответил: «Я и по плотницкому делу могу». То есть намек на изготовление гробов, на то, что в случае чего я и от трупа избавлюсь.

После этого разговора Джимми пристроил меня в «Международное братство», где мне платили столько, сколько я еще никогда в жизни не получал, даже с подворованным. И доплачивали на покрытие расходов. Я выполнял поручения и для Джимми, и для Рассы».

—

«— Значит, это он надоумил тебя позвонить. Ты мог бы

звонить почаще. — Джимми пытался сделать вид, что ему все равно. Собирался заставить меня сказать, почему Рассел дал мне разрешение ему позвонить. — Раньше ты звонил все время.

— Об этом я и толкую. Позвоню я тебе, а что мне потом говорить старику? Что ты его не слушаешь? Он привык, чтобы к нему прислушивались.

— Старик будет жить вечно.

— Никто не спорит — он еще спляшет на наших похоро-
нах, — сказал я. — Он очень разборчив в еде. Сам готовит. Мне не позволяет даже поджарить ему яичницу с колбасой, потому что однажды я поджарил ее на сливочном, а не на оливковом масле.

— На сливочном? Я бы тоже тебе не позволил.

— И знаешь, Джимми, старик ест очень умеренно. Всегда предлагает разделить трапезу. Говорит, съешь все, и заболит живот.

— Ничего, кроме уважения, я к твоему другу не питаю, — сказал Джимми. — Никогда его и пальцем не тронул бы. Есть вещи, на которые Хоффа способен из мести за то, что его выставили из профсоюза, но Хоффа и пальцем не тронет твоего друга.

— Я знаю, Джимми, и он тоже тебя уважает. За то, что ты начал с нуля и так поднялся. За все то хорошее, что ты сделал для простых ребят, рядовых членов профсоюза. Он всегда готов подсобить тем, кому в жизни не повезло. И ты это

знаешь.

– Так поговори с ним насчет меня. Хочу убедиться, что он ничего не забывает. А Макги я от души уважаю.

Лишь считанные люди называли Рассела Макги. Его настоящее имя было Розарио, но все звали его Расселом. Кто знал его поближе, звали его Расс. Ну а те, кто знал его совсем уж близко, называли его Макги.

– Как я уже сказал, Джимми, уважение взаимно.

– Говорят, свадьба будет еще та, – сказал Джимми. – Итальянцы съезжаются со всей страны.

– Точно. Это хорошо для нас. Джимми, я должен обсудить с моим другом то, как уладить эту ситуацию. Время подходящее. Все на свадьбе. Он настроен очень положительно насчет этого вопроса.

– Это сам старик предложил все уладить или ты? – быстро спросил Джимми.

– Я поднял вопрос, но наш друг очень открыт в этом плане.

– Что он сказал по этому поводу?

– Он очень открыт в этом плане. Сказал, давайте после свадьбы сядем с Джимми у озера. И все, как полагается, утрясем.

– Хороший он человек. Такой вот он, Макги. Вырваться к озеру, а? – Джимми произнес это так, как будто сдержанность вот-вот ему изменит, но сдержался.

– Хоффа всегда стремился утрясти всю эту херню с самого

начала.

Джимми тогда все чаще и чаще величал себя Хоффа.

– Лучшего момента не будет, чтобы все утрясти, – весь город соберется на эту свадьбу, все заинтересованные лица, – напомнил я. – Так что уладь все.

– Хоффа с самого начала только и думал о том, как все эту херню уладить! – проорал он в трубку, видимо, на тот случай, если кто-то в Лейк Орион еще его не услышал.

– Джимми, я понимаю, что ты понимаешь, что это необходимо уладить, – продолжал я, – нельзя все так оставить. Знаю, что ты пыжишься, пытаешься что-то там разоблачить. Но думаю, ты все это не всерьез затеял. Джимми Хоффа – не крыса и никогда ею не был, однако... все кругом озабочены. Люди ведь не в курсе, они не понимают, почему ты так сильно расшумелся.

– Черта с два Хоффа не всерьез затеял это все. Погодите, вот Хоффа вернется, просмотрит бумажки профсоюзные, и тогда вы поймете, отчего он так расшумелся.

Я все-таки кое-чему научился от моего старика – не первый день возле него крутился. И по голосу могу понять, что человек затевает. И тогда мне показалось, что Джимми вот-вот сорвется и тогда его уже не удержать. Что я уже не смогу его взнудать. Джимми был прирожденным профсоюзным переговорщиком и в тот момент был убежден, что силен и что ему есть что предъявить из документов.

– Джимми, вспомни о том деле прошлого месяца. О том

джентльмене из Чикаго. Нисколько не сомневаюсь, что все кругом считали его неприкасаемым, и он сам тоже так считал. Его проблема состояла в том, что он позволял себе необдуманные высказывания в адрес наших друзей.

Джимми понимал, о каком «джентльмене» идет речь. Я имел в виду его приятеля Сэма Джанкана (Момо), чикагского босса, которого недавно убрали. Иногда я выступал посланником между Джимми и Момо, всегда передавая все только на словах, никаких записок.

До того как его убрали, Джанкана имел огромный вес в определенных кругах и его имя не сходило с заголовков газет. Момо решил перебраться из Чикаго в Даллас. В его братве был и Джек Руби⁷. Момо владел казино и в Гаване, потом вместе с Фрэнком Синатрой они открыли казино на озере Тахо. Он встречался с одной из сестер-певиц Макгуайр. С Джоном Кеннеди у них была одна на двоих любовница – Джудит Кэмпбелл. Это было в период президентства Джона, когда они вместе с его братом Робертом использовали Белый дом как номер мотеля для интимных встреч. Момо помогал Джону Кеннеди во время избирательной кампании. Только потом Кеннеди всадил ему нож в спину. Ну а Момо решил

⁷ Джейкоб Леон Рубинштейн (в 1947 г. сменил имя на Джек Леон Руби; 25 марта 1911 г., Чикаго, США – 3 января 1967 г., Даллас, США) – владелец ночного клуба в Далласе, широко известный тем, что 24 ноября 1963 г. застрелил в полицейском участке Ли Харви Освальда, задержанного по подозрению в убийстве президента США Джона Кеннеди. Был приговорен к смертной казни. Приговор был оспорен. – *Прим. ред.*

отыгаться на Роберте.

То, кем был Джанкана и в чем он был замешан, нагляднее всего свидетельствует статья в журнале «Тайм», опубликованная за неделю до расправы. В ней говорится о том, что Рассел Буфалино вместе с Сэмом Джанканой по заданию ЦРУ в 1961 году участвовал в подготовке вторжения на Кубу в заливе Свиней, а в 1962 году – в подготовке покушения на Кастро. Если и было что-то, способное свести Буфалино с ума, так это увидеть свою фамилию в газете.

Сенат США официально вызвал Джанкану для дачи показаний под присягой о том, нанимал ли он мафиози для совершения покушения на Кастро. За четыре дня до слушаний в сенате Джанкана был убит в собственной кухне выстрелом в затылок. Убийца еще 6 раз выстрелил ниже подбородка – сицилийский обычай, – чтобы всем было понятно, что убрали его за длинный язык. Все выглядело так, будто прикончил его кто-то из своих ближайших друзей – допущенный поджаривать ему колбаски на оливковом масле. Рассел не раз говорил мне: «Если сомневаешься, не сомневайся».

– Наш чикагский приятель мог навредить очень многим людям, даже нам с тобой! – выкрикнул Джимми.

Я вынужден был держать трубку подальше от уха, но все равно было достаточно громко.

– Ему следовало все записывать. Кастро. Даллас. Джентльмен из Чикаго не любил ничего записывать. А эти знают, что Хоффа все записывает. Если со мной что-то слу-

чится, записи всплывут.

– Джимми, я не из тех, кто всегда и всем поддакивает. Так что ты уж не говори мне, что, дескать, «они не осмелятся». После того, что произошло с нашим чикагским другом, ты-то уж должен понять, что к чему.

– Знаешь что, ты бы о себе лучше позаботился, мой дорогой ирландец. Ты ведь ближе некуда ко мне, как многие считают. И запомни, что я тебе сказал. Свою задницу прикрой. Себе мордоворотов найми.

– Джимми, ты ведь понимаешь, что пришло время сесть и все обсудить. Старик протягивает руку помощи.

– Вот с этим я согласен.

Джимми, будучи опытным переговорщиком, знал, когда следует отступить на шаг.

– Вот и прекрасно, – вздохнул я с облегчением. – Мы съездим к озеру в субботу около половины первого. И Джозефин не тревожь, пусть женщины спокойно себе обедают.

– Я буду к половине первого, – пообещал Джимми.

Я не сомневался, что он появится именно к половине первого. Что Расс, что Джимми, оба были людьми пунктуальными. И дело было не в минутах и секундах, дело было в уважении. Джимми всегда оставлял за тобой 15 минут. Если ты и после этого не приходил, встреча считалась несостоявшейся. Каким бы крутым ты ни был. Или ни считал себя.

– Тебя будет ждать ирландский банкет, – пообещал он. – Бутылка «Гиннеса» и сэндвич с болонской копченой колба-

сой.

И Джимми вот еще что сказал:

– Только вы двое, – он не спрашивал, а утверждал, – без малыша.

– По этому пункту нет возражений. Малыша ты не желаешь.

Не желал? Насколько я знал, в последнее время Джимми желал видеть малыша в гробу. Малышом был Тони Про или Тони Провенцано, мафиозо, капо⁸ семьи Дженовезе в Бруклине. Некогда Про был человеком Хоффа, но потом возглавил ту фракцию профсоюза, которая была против его возвращения на пост президента.

Нелады у них с Джимми начались в тюрьме – они даже чуть ли не сцепились в столовой. Джимми отказался помочь Про обойти федеральный закон и получить пенсию в миллион двести тысяч долларов, когда тот оказался за решеткой. А Джимми, невзирая на тюрьму, свой миллион семьсот получил.

Несколько лет спустя, когда оба были уже на воле, они встретились на съезде профсоюза в Майами и попытались уладить разборку, договориться. Но в итоге Тони Про погрозил голыми руками выдрать Джимми кишки и прикончить

⁸ Капореджиге (от итал. *caporegime* – глава «команды», также «Капорегиме» или «Капорежиге», часто сокращается до капо) в терминологии итало-американской мафии – представитель одной из высших «ступеней» в криминальной лестнице, который подчиняется непосредственно боссу криминальной «семьи» или его заместителю. – *Прим. ред.*

его внучат. Тогда Джимми уже собрался просить разрешения у Рассела, чтобы тот позволил мне позаботиться о малыше. Поскольку Про был мафиозо, и не просто мафиозо, а капо, на это требовалась санкция Рассела. Но тогда мне никто и словом не обмолвился. Ну, я посчитал это просто очередной затеей Джимми, от которой он потом решил отказаться. Будь все всерьез, я бы узнал обо всем в тот же день. Так это обычно делается. Тебе в тот же день сообщают, что ты должен решить вопрос.

Тони Про сидел в профсоюзном отделении в Северном Джерси, там, где место действия сериала «Клан Сопрано».

Мне нравились оба его брата, Нанц и Сэмми, хорошие ребята. А Про я никогда не любил. Он ни за что ни про что мог отправить на тот свет. Однажды он так и поступил с одним парнем только за то, что тот набрал больше голосов, чем Тони. Их фамилии были рядом в бюллетене. Про вверху – он рвался в председатели своего отделения, а тот парень стоял ниже, он претендовал на какую-то менее важную должность, уж не помню какую. И когда Тони Про увидел, что тот куда популярнее его, он приказал Салли Багсу и Конигсбергу по прозвищу Нокаут, бывшему боксеру из еврейской братвы, убить этого парня нейлоновым шнурком. Скверное убийство. Когда федералы пошли на сделку с дьяволом, стремясь по любому обвинению посадить нашу горстку подозреваемых в исчезновении Хоффа, они нашли крысу, давшую показания против Про. За это скверное убийство Про сел по-

жизненно. И умер в тюрьме.

– Видеть не хочу этого малыша, – заявил Джимми. – Имел я его!

– Ну и работку ты мне подкинул, Джимми. Знаешь, я ведь на Нобелевскую премию мира не претендую.

– Помоги Хоффа уладить эту разборку, и я лично вручу тебе премию мира. И помни – только мы вдвоем. Не забудь.

Я должен был радоваться, что хоть трое из нас соберутся у озера в субботу. Джимми так и пометил в своем желтом блокноте, который всегда держал рядом с телефоном: «Расс и Фрэнк».

На следующий день был понедельник, 28-е. Моя вторая жена, Айрин, мать Конни, самой младшей из четырех моих дочерей, разговаривала по своему номеру с подружкой. Они решали, что Айрин надеть на свадьбу. И тут раздался звонок по моему номеру.

– Это Джимми, – сообщила Айрин.

ФБР записывало все эти междугородние разговоры. Однако Джимми об этом мало задумывался, когда в открытую грозился все рассказать. Подобные угрозы мафии трудно пропускать мимо ушей. Разве что какое-то время. Не говоря даже о них самих, это неправильно истолкуют нижние чины. Сильна ли верхушка, терпящая людей, ведущих разговоры о стукачестве?

– Когда вы с другом будете? – осведомился Джимми.

– Во вторник.

– То есть завтра?

– Именно. Завтра к вечеру.

– Ладно. Позвони, когда приедете.

– Конечно! Как только будем в Детройте, я тут же позвоню тебе из уважения.

– У меня встреча в среду во второй половине дня, – сказал Джимми. И после короткой паузы добавил: – С малышом.

– С каким это малышом?

– С тем самым малышом.

– Ты не против, если я попрошу тебя пояснить, что так резко изменило твои намерения не встречаться с этим типом?

У меня аж голова закружилась.

– А что мне терять? – спросил Джимми. – Макги поймет, если Хоффа сначала сам попытается уладить свою разборку. Я не против предпринять еще одну попытку до того, как вы заявитесь ко мне в субботу.

– Очень советую тебе прихватить маленького братишку.

Он понял, о чем я: я имел в виду пистолет. Миротворца.

– Так, на всякий пожарный.

– Ты за Хоффа не беспокойся. Не понадобится Хоффа братишка. Мы будем в ресторане, на людях. Тони Джек организовал встречу. В «Ред Фокс» на Телеграф, ты знаешь, где это. Пока.

Энтони Джакалоне, или Тони Джек, был из детройтской

братвы. Они близко знали с Джимми. Джимми хорошо знал и жену, и детей Энтони. Но Тони близко знал не только с Джимми, а с очень и очень многими. Жена Тони Джека была двоюродной сестрой малыша Тони Про. А для итальянцев это не пустяк.

Я могу понять, отчего Джимми доверился Тони Джеку. Тони Джек был отличным парнем. Умер в тюрьме в феврале 2001 года. Газеты на первой полосе писали: «Известный гангстер унес тайну Хоффа в могилу». А ему было о чем рассказать.

Уже давно поговаривали, что после фиаско в Майами Тони Джек пытался организовать еще одну встречу Джимми с Тони Про, однако Джимми эту затею похерил – «большой палец вниз», как у Сискела с Эбертом⁹. А теперь вдруг он ни с того ни с сего соглашается встретиться с Про, с тем самым Про, который некогда грозился голыми руками выпустить ему кишки.

Задним числом мне кажется, что Джимми собрался тогда организовать Про «путешествие в Австралию». Возможно, Джимми рассчитывал, что Про поведет себя как Про. Тони Джек сидел бы в этом ресторане и убеждался бы, какой, мол, Джимми умница и все такое и какой Про говнюк. Может, на встрече у озера в субботу Джимми хотел убедить Рассела в

⁹ Юджин (Джин) Сискел и Роджер Эберт – ведущие известного телепроекта, посвященного оценке новых фильмов. Их система оценки фильмов «большой палец вверх – большой палец вниз» вскоре стала очень популярной среди критиков.

том, что, дескать, он в отношении Про все перепробовал, но без толку. Потому Про необходимо убирать.

– То, что в ресторане и на людях, это, конечно, хорошо. Может, благодаря этой свадьбе и все вправду договорятся, – сказал я. – Выкурят трубку мира и зароят в землю топор войны. Только мне бы очень хотелось поприсутствовать для поддержки.

– Ладно, Ирландец, – согласился он, будто пытаюсь меня успокоить, хотя сам у меня спрашивал, когда я буду в Детройте. Едва он меня спросил, когда я приеду, я сразу сообщил, что ему нужно.

– Может, ты все-таки проедешься и встретишься со мной часика в два? Потому что они прибудут к половине третьего.

– Хорошо, на всякий пожарный. И не сомневайся, своего братишку я прихвачу. Он на самом деле недурной переговорщик.

После этого я тут же позвонил Рассу и поведал ему новость о предстоящей встрече Джимми и Про и что я тоже отправлюсь туда прикрыть Джимми.

С тех пор я много раз прокручивал в голове свой звонок, но не помню, чтобы Расс что-нибудь сказал».

Глава 2

Что это такое

«Вечером в тот понедельник мы с моей второй женой Айрин приехали в Кингстон на севере Пенсильвании, что рядом с Уилкс-Барре, отужинать с Рассом, его женой Кэрри и ее овдовевшей старшей сестрой Мэри. Переночевать мы с Айрин думали в отеле «Говард Джонсон», одним из совладельцев которого был Расс. А рано утром во вторник в пятницу намеревались отправиться в Детройт на моем новеньком «Линкольн Континентале». (Утверждали, что эту машину я приобрел нелегально. Когда нас, восьмерых подозреваемых в исчезновении Хоффа, пытались посадить по любому делу, воспользовались именно этим автомобилем, чтобы в 1981 году упрятать меня за профсоюзный рэкет.)

Поездка должна была занять часов двенадцать – в машине Рассел курить не позволял. Курить Расс бросил на спор с Голубоглазым Джимми¹⁰, еще когда они вместе с Мейером Лански на катере бежали с Кубы, когда в 1960 году Кастро прикрыл их казино, а их самих отправил куда подальше. Тогда по милости Кастро они потеряли по миллиону баксов. И всей душой возненавидели Кастро, в особенности Рассел и

¹⁰ Винсент Ало – известный преступник, сотрудничавший с Мейером Лански и членами итало-американской мафии. – *Прим. ред.*

двое его ближайших дружков: Карлос Марчелло, босс Нью-Орлеана, и Санто Траффиканте, босс Флориды. Кастро не побоялся посадить Траффиканте в тюрьму. Я слышал, что Сэм Момо Джанкана посылал Джека Руби на Кубу и тот там с помощью денежек пытался вытащить Траффиканте из тюрьмы и с Кубы.

Тогда, на катере, Расс был взбешен и коптил одну сигарету за другой, кляня Кастро во все тяжкие. А Голубоглазый Джимми углядел возможность отжать для себя бабки – поспорил с Рассом на 25 кусков на то, что Расс год не приронется к табаку. Расс выбросил недокуренную сигарету за борт и с тех пор больше вообще не курил, даже по прошествии года. Так что Голубоглазому Джимми пришлось отстегнуть ему 25 кусков.

Но дамы в автомобиле предпочитали не заключать друг с другом подобных пари. Нам все время приходилось останавливаться, чтобы дать им возможность для перекуров, что здорово замедлило поездку. Курение – один из грешков, в которых мне не было нужды исповедоваться в детстве. Никогда не начинал курить, даже в войну, даже в Анцио не пристрастился к табаку, где только и оставалось, что резаться в карты четыре месяца кряду да курить.

Еще мы останавливались потому, что Расселу нужно было время от времени давать инструкции по телефону – так было испокон веку, если нам случалось с ним куда-нибудь ехать.

Вечером в понедельник мы с Айрин ужинали с Рассе-

лом, Кэрри и ее сестрой Мэри в ресторане «Брутико» в Олд Фордж, Пенсильвания. Расс посещал только те рестораны, которые отвечали его запросам. А так он почти не ел ничего, чего не приготовил бы своими руками.

Если не седина в волосах, никто бы даже не подумал, что Рассу за семьдесят. Такой живчик. Родился он на Сицилии, но прекрасно говорил по-английски. Детей у них с Кэрри не было. Расс, бывало, меня за щеку ущипнет и скажет: «Тебе следовало бы родиться итальянцем». Это он прозвал меня Ирландцем. До этого за мной закрепилось прозвище Чич, то есть Франческо.

Расправившись с главным блюдом – по-моему, нам подали телятину с красным перцем и спагетти маринара, брокколи и салат, – Рассел предложил мне сесть в сторонке и выпить кофе с самбукой¹¹.

Тут появился владелец заведения и что-то шепнул на ухо Рассу. Тогда еще переносных телефонов не было, и Расс вынужден был подняться из-за столика и пойти ответить по телефону. Вернулся он с деловым видом. На его круглом, изрытом складками лице застыла улыбка вроде той, когда, прищурясь, пытаешься взглянуть на солнце. У тех, кто видел его впервые, создавалось впечатление, что у него не в порядке один глаз. Так и было – одна из лицевых мышц была повреждена. И вот он уставился на меня сквозь линзы очков здоровым глазом.

¹¹ Самбука – анисовый ликер.

Сначала Рассел помолчал, будто обдумывая, что сказать, и продолжая смотреть мне прямо в глаза. Голос у Рассела был довольно скрипучий, и то, что он считал очень важным, он проговаривал тихо-тихо. В тот вечер он чуть ли не шептал – чтобы разобрать, что он говорит, мне приходилось наклонять свою огромную башку чуть ли не вплотную к нему.

– Планы слегка изменились. Завтра мы никуда не едем. Отправимся только в среду утром.

Для меня эта новость была громом среди ясного неба – меня не хотели видеть в том детройтском ресторанчике в среду после обеда. Джимми был им нужен без сопровождающих лиц.

Я так и замер, склонившись к Расселу. Может, еще что-нибудь добавит? Я слушал. Вопросов не задавал. Это продолжалось довольно долго. Может, даже слишком долго, как мне тогда показалось. Наконец Расс заговорил:

– Припоздал твой друг. Теперь уже незачем ни мне, ни тебе встречаться с ним на озере в субботу.

И Рассел Буфалино сверлил меня взглядом единственного здорового глаза. Я откинулся на спинку кресла. Я не мог ничем выдать своего состояния. Я не мог и слова вымолвить. Не та это была ситуация. Чуть что не так – и тогда стены уже моего дома будут в крови.

Джимми предупредил меня, чтобы я был начеку, тогда, в октябре месяце, в отеле «Уорик» в Филли. Он тогда сказал мне: «Свою задницу побереги... А не то сам станешь легкой

добычей...» И вчера по телефону он еще раз меня предостерег, что, мол, «кое-кто считает, что я слишком к нему близок...». Взяв чашку, я поднес ее к носу. Принюхался. Мало-вато самбуки. Я долил немного.

Рассу не было нужды напоминать мне, чтобы я и не помышлял названивать сейчас Джимми из отеля «Говард Джонсон», куда мы с Айрин отправились переночевать. С этого момента мне следовало считать, что за мной приглядывают. Причем независимо от того, приглядывали за мной или нет. Рассел был одним из совладельцев этого мотеля. Стоило мне оттуда позвонить, и утром нам с Айрин даже выехать не дали бы. Я бы получил положенное в таких случаях, ну а бедняжке Айрин просто не повезло бы – оказалась бы не в то время и не в том месте рядом с непутевым Ирландцем.

Да и у Джимми не было ни малейшей возможности звонить меня. Если ты на прослушке у ФБР, ты никогда не скажешь в трубку, где ты и куда собрался. Не было в ту пору сотовых, не было, и все! Я просто не позвоню Джимми в Детройт вечером во вторник, только и всего. И ему уже не узнать, почему я не позвонил. И он в одиночку отправится на эту стрелку в среду. Без меня и моего маленького братишки – некому будет его поддержать.

Я молча сидел; обе наших дамы о чем-то там рассуждали. Как если бы они сейчас уселись на другой стороне бассейна с водопадом у Билла Буфалино.

Я быстро прогнал в мыслях недавние события. Сразу же

после моего звонка Расселу сегодня утром, когда я сообщил ему о звонке Джимми, Рассел связался по телефону с кем-то из серьезных людей. И сообщил им, что я, мол, встречаюсь с Джимми в ресторане и собираюсь прихватить своего маленького братца. Так это было или нет, не могу сказать, но тогда я не сомневался, что теперь эти люди вызвонили Рассу и порекомендовали ему, что, дескать, лучше будет, если мы на денек где-нибудь задержимся, чтобы они могли застать Джимми одного.

Только вот перед тем, как звонить Расселу, они сами непременно все прогнали в мыслях. Весь день очень серьезные люди в Нью-Йорке, в Чикаго и в Детройте решали, дать мне встретиться Джимми в среду или нет. И один из самых надежных союзников Хоффа отправился бы вместе с Джимми «в Австралию». Какие бы тайны ни доверил Джимми после встречи в ресторане «Бродвей Эдди» в тот же вечер в отеле «Уорик» (и вообще за все эти годы), им было бы суждено вместе со мной уйти в могилу. Однако в конце концов они из уважения к Расселу все же решили вывести меня из игры. И не впервые Рассел вызволял меня из серьезной передряги.

Не важно, каким бы ты ни был крутым или каким бы крутым ни считал себя, если ты перешел им дорожку, нечего и рыпаться – тебя достанут. Придет к тебе, скажем, твой лучший друг заключить пари на выигрыш футбольной команды, и, считай, тебя нет. Как Джанкана, который поджаривал яич-

ницу с колбасками на оливковом масле, повернувшись спиной к лучшему другу.

Не время было сокрушаться насчет Джимми. Но все же я не мог удержаться. Стараясь не показать Расселу, что я собрался выступить в роли спасителя Джимми, я прошептал ему в ухо:

– Федералы взбесятся так, что мало не покажется.

Я старался не заикаться, но не смог преодолеть себя. Расс принял это как должное, в конце концов, я с детства был заикой. Меня не волновало, что он мог заметить, что меня очень уж впечатлила эта ситуация из-за моей близости к Джимми и верности ему и его семье. Наклонившись к Рассу, я, покачивая головой, как китайский болванчик, добавил:

– И это многих заденет. Ты же знаешь, что Джимми подготовил кое-какие бумаги на тот случай, если с ним что-то стрясется.

– Твой друг слегка переборщил с угрозами, – пожал плечами Рассел.

– Просто хочу напомнить, что не поздоровится очень многим, если тело все же найдут.

– Никакого тела не будет.

Рассел провел по столу большим пальцем правой руки. Большой и указательный пальцы левой он потерял в молодости. И вот уцелевшим большим пальцем он провел по белой скатерти так, будто желая что-то впечатать в нее.

– Все произошло из праха, и все возвратится в прах.

Откинувшись на спинку, я отхлебнул самбуку с кофе.

– Так, значит, – заключил я.

И, сделав еще глоток, продолжил:

– Стало быть, в среду вечером все и произойдет.

Старина Расс протянул руку и ущипнул меня за щеку, будто поняв, о чем я думал в тот момент.

– Ирландец ты мой! Мы сделали для него все, что могли. Ему никто не смог бы объяснить, что это такое. Мы едем в Детройт в среду вечером.

Я поставил чашку на блюдце, а Рассел, положив свою большую теплую ладонь мне на шею, прошептал:

– Так что поехали. Остановимся в одном месте высадить женщин. А сами свалим – надо одно дельце провернуть.

Ясно, подумал я и кивнул. У Рассы всегда находились дела от Кингстона до Детройта. Высадим наших дам где-нибудь у придорожного заведения и отправимся провернуть дельце, а те пока перекурят и кофейку выпьют.

Рассел склонился ко мне, а я к нему.

– Там будет ждать пилот. Ты быстренько пролетишь над озером и выполнишь маленькое порученьице в Детройте. Потом прилетишь обратно. Заберешь дам. Они и не заметят нашей отлучки. А потом можно не спешить. Спокойненько доберемся до Детройта. Красивые места – куда спешить? Вот что это такое».

Глава 3

Найди себе другого мальчика для битья

«Какими же извилистыми путями судьбы я угодил тогда в итальянский ресторанчик в одном шахтерском городке, где выслушал отданные мне шепотом распоряжения? Распоряжения, которые обязан был выполнить в соответствии с отведенной мне в заговоре против Джимми Хоффа ролью.

Я не был прирожденным мафиозо, как все эти итальянцы родом из Бруклина, Детройта и Чикаго. Я появился на свет в семье католиков-ирландцев из Филадельфии и до демобилизации из армии не совершил ни одного по-настоящему дурного поступка, даже не поднял руку ни на кого из своих обидчиков.

Родился я в непростое время, и не только для ирландцев, а для всех. Утверждают, что Великая депрессия началась, когда мне было 9 лет – в 1929 году. Но насколько я помню, в нашей семье не было денег *никогда*. И в других семьях тоже.

Первыми, кто по мне стрелял, были фермеры из Нью-Джерси. Я тогда был мальчишкой. Филадельфия отделена от Кадмена, штат Нью-Джерси, рекой Делавэр. Оба города родились как океанские порты и соединены мостом Уолта Уитмена. Сегодня, если ехать из Кадмена, не видно ни кусочка

незаселенной территории, разве что крошечный парк Виктория, и потому трудно поверить, что в «Бурные двадцатые» тут лежали огороженные участки фермерских земель. Нью-Джерси в сравнении с Филадельфией был просто деревней, тихой деревенькой.

Отец мой, Тони Ширан, брал напрокат старый уродливый автомобиль с подножкой. Он вывозил меня на поля за Кадменом, еще когда я был совсем мал, и высаживал. Сейчас на этом месте располагается аэропорт Кадмена. А тогда я на полях воровал чужой урожай.

Обычно мы выезжали под вечер, пока было еще светло – в это время фермеры возвращались домой к ужину. Я перелезал через ограду и кидал отцу то, что росло на поле – кукурузные початки, или помидоры, или что-нибудь еще созревшее. Набрав достаточное количество этих сельхозпродуктов, мы отвозили их домой.

Фермеры были явно не в восторге от наших рейдов, они не собирались ни с кем делить урожай. Иногда по вечерам они подкарауливали нас с ружьями в руках. Если меня заставляли, то приходилось давать деру, перепрыгивать через ограждение. Иногда в заднице застревала дробь.

Одно из детских воспоминаний: моя мать, Мэри Ширан, вытаскивает засевшие в ягодицах мелкие дробинки и причитает: «Ну почему мне постоянно приходится вытаскивать эту дрянь у Фрэнсиса из задницы?». На что мой отец, который называл свою жену Мэйм, всегда отвечал: «Потому что

твоему сыну, Мэйм, нужно бегать побыстрее».

Ростом я пошел в нашу шведскую родню по материнской линии. Ее отец был шахтером и железнодорожным рабочим в Швеции. А брат – врачом в Филадельфии, доктор Хансен его звали. Мать моя была ростом метр семьдесят девять при весе в 90 кг. В день она съедала, наверное, литровую банку мороженого. И я каждый вечер бегал к мороженщику. А у него был такой порядок – приходишь со своей посудой, и он накладывает тебе сколько пожелаешь. Я был постоянным покупателем. А вообще, мать очень любила готовить, даже хлеб сама выпекала. До сих пор помню запах поджаренной свинины, тушеной капусты, вареной картошки. Мать была очень спокойная женщина. Мне кажется, приготовить вкусную еду означало для нее выражение любви к нам.

Родители мои поженились очень поздно – матери было 42 года, а отцу 43, когда я родился. Я был первым ребенком в семье. Мы появлялись на свет с интервалом примерно в год: мой брат был на год и месяц младше меня, а сестра – на год и месяц младше его. Нас даже окрестили «близнецами по-ирландски» – в католических ирландских семьях детей, как правило, строга́ли ежегодно.

Несмотря на то что мать моя была шведкой, отец воспитывал нас в ирландском духе. Его родственники были откуда-то из-под Дублина, я никогда не видел ни бабушки, ни дедушки, причем не только по отцовской, но и по материнской линии. В те времена люди вообще были куда сдержан-

нее со своими детьми, не то что нынче. Я до сих пор и не знаю толком, как с нежностью относиться к своим внучатам. Не припомню, чтобы мать даже в щеку кого-нибудь из нас чмокнула – ни меня, ни моего братца, ни сестренку Маргарет. У нас в семье любимчиков не было, однако отец все же больше любил Тома, а мать – Пегги. Мне кажется, так было потому, что я был самым старшим. Даже школьные учителя и те видели во мне старшего в семье и мне это внушали.

Мои родители из кожи вон лезли, чтобы мы выглядели не хуже других детей. Каждый раз на Пасху Тому и Пегги покупали новую одежду, а вот на меня у них, видимо, денег не хватало. Справить детям новый костюм или платье к Пасхе считалось в нашей ирландско-католической общине делом чести. Однажды, когда я стал плакаться отцу, что, мол, мне к Пасхе никогда ничего не достается, он посоветовал мне: «Напяль новую шляпу Тома, а потом высунься в ней в окно, и все подумают, что это твоя».

Не припомню, чтобы у кого-нибудь из нас была своя игрушка. Однажды к Рождеству нам подарили роликовые коньки. Одну пару на всех. Коньки эти можно было подогнать под любую ногу. Так что каким-то образом мы все же приноровились. А если уж нам загорелось занять какую-нибудь вещь, тут уж следовало самому на нее заработать. В семь лет я впервые устроился подрабатывать – помогал одному соседу выгребать золу из подвала. А если отец узнавал, что я у кого-то там подрабатывать взялся, ну, там косить тра-

ву или что-то еще делать, он в день оплаты подкарауливал меня, отбирал монеты покрупнее, а мне оставлял в лучшем случае десятицентовик.

Мы жили в разных католических общинах, но, как правило, в границах одного и того же прихода. Месяц-другой мы жили на одном месте, а когда у отца не было денег заплатить за жилье, мы втихомолку сбегали и устраивались на другом месте. И какое-то время спустя все повторялось. Если отец находил работу, то почти всегда он трудился монтажником на строительстве небоскребов, расхаживал на самой верхотуре по железным стропилам и балкам. Это была опасная работа. Нередко люди срывались вниз и гибли. Он работал и на строительстве моста Бенджамина Франклина в Филадельфии, и на небоскребах, которые иногда строили даже во времена Великой депрессии. Отец был сантиметров на пять ниже матери и весил около 65 килограммов. Долгое время отец не мог никуда устроиться, кроме как церковным сторожем в церкви Девы Марии или дворником в школе в Дерби, Пенсильвания.

Католическая вера всегда была неотъемлемой частью нашей жизни. Без нее никуда. Если спросить, какое хобби было у матери, я скажу – религия. Она была очень религиозной. И я много времени проводил в церквях. Мой отец пять лет проучился в семинарии, пока не бросил это дело. Две его родных сестры были монахинями. Я понимал, что исповедь – способ получить отпущение грехов. Если ты, к примеру,

внезапно умрешь по пути на исповедь, ты точно загремишь в ад, где вечно будешь поджариваться на огне. А вот если это случится уже после исповеди, когда святой отец отпустил тебе твои грехи после того, как ты ему о них поведал, тебе уготован рай.

Я был алтарным служкой в церкви Скорбящей Божьей Матери, пока меня не выставили за то, что я решил испробовать на вкус церковное вино. Не хочу ни в чем обвинять другого мальчишку – тоже служку, который донес на меня. На самом деле он никаким предателем не был. Просто его запугали. Отец Мэлли был типом святого отца, которых всегда играл Бинг Кросби¹². Он, заметив, что вино исчезло, сказал тому мальчишке, что, дескать, вору в рай дорога заказана. Вот он и подумал, что если заложит меня, то непременно окажется в раю после смерти. Но самое скверное во всей этой истории – на вкус церковное вино показалось мне отвратительным.

Что до моего отца, он всему предпочитал пиво. И еще обожал спорить на деньги в лавках, незаконно торговавших спиртным, – предметом спора был я. Он спорил с теми, кто плохо знал нас в каком-нибудь квартале Филадельфии, что, мол, его 10-летний сын легко одолеет любого 14-летнего, а то и 15-летнего мальчишку. И кое-кто из отцов мог на такое повестись – спорил с моим отцом на четвертак (25 центов).

¹² Бинг Кросби (1903–1977) – американский певец и киноактер, один из самых успешных исполнителей в США.

И если я побеждал, а такое случалось почти всегда, он был в выигрыше. Ну и мне кое-какие деньжонки доставались. Ну а если на обе лопатки клали меня, то меня ждал крепкий подзатыльник.

Какое-то время мы жили в окружении итальянцев, и мне по пути домой из школы каждый день приходилось драться. Еще в детстве я выучил довольно много итальянских слов, и я кое-что понимал по-итальянски, что здорово помогло мне в период кампаний на Сицилии и в Италии во время войны. А после демобилизации я уже всю болтал по-итальянски. Язык этот я учил в основном в общении с итальянками. Тогда я не понимал, как их впечатляло мое знание их родного языка. Они считали это проявлением к ним особого уважения с моей стороны. И впоследствии мне это здорово помогло в общении с моими итальянскими друзьями, позволило заручиться их доверием и получить их уважение.

Мой отец Томас Ширан был жестким боксером в полусреднем весе и посещал католический клуб «Шэнахэн». Он был во втором полусреднем весе. Много лет спустя уже после войны я тоже записался в этот клуб, но в качестве футбольного игрока. В мои детские годы церковь занималась и нашим досугом. Это было задолго до появления телевидения. Да и радио было у немногих, а в кино из-за нехватки денег тоже бегали не каждый день. Вот люди и приходили в церковь, присутствовали на всех организованных церковью мероприятиях или же участвовали в них. Отец мой очень

много сражался на ринге.

Дома он тоже занимался боксом. Если ему казалось, что я в чем-то виноват, он без слов швырял мне боксерские перчатки, но с одним условием – я не мог отвечать на его удары. Отец был лицом неприкосновенным. Ему же позволялось все – и хуки, и удары в челюсть, одним словом, все. Мне только и оставалось, что уворачиваться от его ударов, пытаться блокировать их. О том, чтобы нанести ответный удар, и думать было нечего – я тут же оказался бы на полу. Только мне и никому больше из нашей семьи он не кидал в наказание за провинность боксерские перчатки. Наш Томас-младший (его назвали в честь отца) никогда не удостоивался такой чести, что бы ни натворил.

С другой стороны, Том особенно и не проказничал. Как, впрочем, и я. Но у меня всегда были бунтарские замашки. Когда я ходил в школу Девы Марии, я был тогда в седьмом классе, то как-то раз положил на радиатор отопления прихваченный с собой из дому лимбургский сыр. Нагреваясь, сыр таял, распространяя весьма характерный запах. Учителя сообщили об этом моему отцу, работавшему в этой же школе дворником. Он нашел сыр, к тому же меня вновь заложил один из учеников. Ну, мой старик пообещал разобраться со мной дома.

Придя домой, я стал дожидаться отца. Когда он пришел, я уже знал, что он бросит мне боксерские перчатки. Первым его вопросом был: «Ну, как ты предпочтешь? Сначала

поешь, а потом выволочка? Или наоборот?» – «Сначала поем», – ответил я, понимая, что после выволочки мне будет уже не до еды. Так и вышло.

Я всегда заикался, да и сейчас заикаюсь, в свои 83 года. Если ты заика, у тебя куда больше конфликтов со сверстниками и, разумеется, драк. Те, кто не знал меня, всегда меня передразнивали, но тут же за это и расплачивались.

Но мы тогда дрались не только по поводу, но и без – просто забавы ради. По пятницам устраивали боксерские поединки. Но били с опаской, не перебарщивая. Собственно, и в настоящем боксе всегда так – хочешь научиться боксировать, рассчитывай и на синяки и шишки. Я подумывал, не податься ли мне в боксеры, но я-то хорошо понимал, что из меня Джо Луиса¹³ не получится, а если не суждено стать чемпионом, на кой дьявол вообще связываться с боксом. Теперь дети гоняют в футбол, есть даже детская футбольная лига. А нам тогда приходилось самим развлекать себя, по-видимому, кроме футбола, у нас никаких развлечений и не было. Тем лучше для нас – приходилось рассчитывать только на себя, и когда стране потребовались солдаты, они из нас получились. Психологически мы были закалены.

Я окончил 8 классов школы Девы Марии, той самой, где, как я уже говорил, мой родитель перебивался дворником и где мне поэтому приходилось держать ушки на макушке. По-

¹³ Джозеф Луис Бэрроу (1914–1981) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

сле этой школы последовала другая, где жилось куда вольготнее. В школе «Дерби хай скул» я попал в 9-й класс. Но надолго там не задержался. Однажды на утренней линейке мы хором пели «Дорогу на Мандалай», а наш директор подпевал и дирижировал. И надо сказать, выламывался как самый настоящий эстрадный кривляка. Ну, я и решил спародировать его. Поскольку я был самым высоким, это было нетрудно заметить.

По окончании линейки он вызвал меня к себе в кабинет. Войдя, я тут же уселся на стул перед ним. Директор был довольно высоким, хотя и весил явно меньше меня. Зайдя мне за спину, он отвесил мне крепенький подзатыльник. Это вышло у него ничуть не хуже, чем у моего отца. «Ах ты, жирный хер!» – вырвалось у меня. Я вскочил и въехал ему кулаком в челюсть. Разумеется, меня тут же выперли из этой школы.

Что ждет меня дома, я знал и понимал. У меня хватило времени на раздумья по этому поводу, но больше всего меня поразило то, что я, мальчишка, одним ударом сломал челюсть взрослому мужику.

Отец, кипя от возмущения, с размаху швырнул мне боксерские перчатки. Я успел поймать их, но тут же швырнул их ему.

– Знаешь что, – сказал тогда ему я. – Пора это все кончать. Мне уже шел семнадцатый год.

– Я ведь тебе ответить не могу, – добавил я. – Ты мой отец.

Но лучше найди-ка себе другого мальчика для битья».

Глава 4

Университет «Маленький Египет»

«А потом я отправился на карнавал. Начало весны в Филадельфии всегда отмечалось прибытием в город карнаваль-ной группы «Риджент». Прибывшие разбивали палатки на 72-й улице ближе к Айлэнд-авеню. В те времена это был пустырь – поля и поля, поросшие травой. С тех пор как индейцы ушли оттуда, ничего не изменилось. А сейчас там вплотную друг к другу здания представительств автомобильных фирм.

Каким бы крупным городом ни считалась Филадельфия, из-за ее близости к Нью-Йорку она терялась. В штате Пенсильвания принят закон о том, чтобы по воскресеньям бары были закрыты. Воскресенье считалось днем, когда люди должны были идти в церковь, а не торчать в барах. И даже позже, если речь заходила о бейсбольных матчах, команды «Филадельфия филлис» и «Филадельфия атлетикс» встречались по воскресеньям в парке Шайб, и играть им позволялось, только пока было светло. Даже свет на стадионах включать не разрешалось. Много игр из-за сумерек отменялось. И в местных газетах ни слова о том, что происходило в Нью-Йорке – ни о сухом законе, ни о перестрелках гангстеров, ничего. Нетрудно понять, чем для жителей нашего города был

карнавал.

После того как меня выставили из школы Дерби, я сменил множество работ – засыпал в мешки крупу и всякую всячину в компании «Пенн фрут» или же, в зависимости от погоды, автостопом добирался в Пэксон, где в местном гольфклубе подавал игрокам клюшки. Жил я по-прежнему с родителями. Но чтобы наскрести на квартплату, приходилось вертеться. Наверное, вся эта беготня и определила мой неутомимый характер.

В то время мы были неразлучны с Фрэнсисом Куинном, Янком. Он был на год старше и уже окончил школу. Несколькими годами позже он поступил в колледж, а потом пошел в армию, где получил чин второго лейтенанта¹⁴. Войну он повидал – участвовал не в одном сражении во время войны в Европе. Но там мы ни разу с ним не встретились. Потом, уже после войны, мы играли в футбольной команде католического клуба «Шэнахэн». Янк был квотербеком¹⁵.

В один погожий вечерок мы с Янком и долларом на двоих, но без постоянной работы отправились в город поглазеть на

¹⁴ Второй лейтенант (second lieutenant) – низшее офицерское звание в Вооруженных силах США.

¹⁵ Квотербек (*англ.*) – распасовщик, играющий помощник тренера в американском футболе. Это основной игрок команды нападения, находится непосредственно за центром и принимает от него мяч в начале розыгрыша. Квотербек – мозговой центр команды. Он решает, какой тип розыгрыша будет выполнять команда (либо получает такое указание от тренера, именуемого координатором нападения), отдает пасы, передает мяч игрокам для выносных розыгрышей и иногда сам продвигает мяч вперед.

ярмарку. Нам повезло – мы нашли работу: организаторы ярмарки взяли нас в турне по Новой Англии. Все молодые годы я мечтал вырваться из Филадельфии и поглядеть на мир, а теперь мне представилась такая возможность, да еще и за деньги.

Работал я зазывалой на шоу девушек. В карнавальной группе было две танцовщицы, они исполняли танцевальные номера вроде тех, которые обычно исполнялись в ночных заведениях в 70-е годы. Только вот одежки на них было побольше – все-таки карнавал, а не заведение. Так что зрителям оставалась масса возможностей для воображения. Этот танцевальный дуэт носил название «Маленький Египет». Та, которая брюнетка, выглядела так, будто только что возникла из волшебной лампы Аладдина, а вторая, блондинка, изображала вышедшую из вод Нила красавицу и была упакована в синие шелка под цвет воды. Танцевали они по очереди, исполняя экзотические танцы в отведенной для шоу палатке. Зазывале приходилось орать во всю глотку, да вдобавок складно, затаскивая желающих, кроме того, за 50 центов я вручал каждому входной билет.

Карнавальное шоу «Риджент» было чистойшей развлекаловкой, как доброе старое шоу Эда Салливана на телевидении. В нем участвовали и акробаты, и жонглеры, были разные соревнования на меткость, в которых можно было выиграть кукол и другие сувениры. Был и оркестр, и исполнители песенок. Но вот азартных игр не было – у большинства го-

стей гроша лишнего за душой не имелось. Это был пик Великой депрессии. Кто бы там что ни говорил, а окончательно этот спад закончился только с началом войны. А тогда у работяг не было денег на азартные игры. И взять их было не у кого – большинство пробивались временными и разъездными работами, куда семью за собой не потащишь. Так что жили скромненько, но и не хулиганили.

Мы с Янком помогали ставить палатки и расставлять сиденья для публики, а после выступлений снимать палатки и убирать стулья. Если между зрителями вспыхивала драка, нам согласно местным порядкам полагалось убраться подальше, да поскорее. Если дела шли хорошо, если публика нас принимала, если зрителей было много, то мы оставались на одном месте дней на десять. Если нет, то мы снимались с места довольно скоро и уезжали в другое. Мы выступали во многих городках в близлежащих штатах – в Коннектикуте, Вермонте, Нью-Гэмпшире и под Бостоном.

Для переездов использовались выдавшие виды грузовики и фургоны, спать приходилось под открытым небом. Это вам не такой известный цирк, как «Ринглинг бразерс», а просто заурядная карнавальная труппа, каких не один десяток. Без претензий. Надо сказать, что и мои вечные скитальцы родители приучили меня не бояться странствий и связанных с ними неудобств.

Платили нам не так много, зато кормили задаром, к тому же еда была сытной, вкусной и обильной. Жаренной на

угольях говядины сколько угодно, да еще на свежем воздухе! Конечно, не так вкусно, как мать готовила, но перещеголять ее никому было не под силу. Если случался дождь, спать приходилось под грузовиками. Именно тогда я впервые попробовал самогон. А вообще-то по части выпивки я никогда особо не перебарщивал. До самой войны я был к ней равнодушен. Впервые я по-настоящему напился только в Катанье, на Сицилии. Именно тогда я впервые выпил красного вина, и оно на всю жизнь осталось моим любимым из всего остального спиртного.

Однажды по дороге в Брэттлборо зарядил дождь, а потом он перешел в ливень. Целый день лило как из ведра. Дороги превратились в грязищу. Зрителей – ни одного. Некому было сбывать пятидесятицентовые билеты. Одна из танцовщиц, брюнетка, заметив, как я стою, мерзну и дышу на ладони, пытаясь их согреть, подошла ко мне и прошептала на ухо. Напрямик спросила, не пожелаю ли я провести ночку в их с партнершей по танцам палатке. Я уже понял, что нравлюсь обеим, и, конечно же, я согласился. Пусть Янк дрыхнет под каким-нибудь грузовиком, зато я отлежусь на сухой постели.

После того как шоу закончилось, я пошел к ним в гримерную, где разило духами. Гримерная помещалась в одной из палаток, она же служила и спальней. «Египтянка» возлежала на кровати на подушках. Едва завидев меня, тут же спросила: – Может, ты все же разденешься? Ты замерз и промок насквозь.

Мне тогда стукнуло семнадцать. Я продолжал молчать, прикидывая, не прикалывается ли она надо мной. Девушка спросила:

– Ты когда-нибудь был с женщиной?

– Нет, – ответил я, и это было чистейшей правдой.

– Ну вот, сегодня ночью ты с ней побудешь, – ответила брюнетка и рассмеялась.

Поднявшись с кровати, она задрала мне рубашку и сняла ее через голову. Теперь я стоял перед ней голый до пояса.

– Даже с двумя сразу, – добавила ее партнерша-блондинка, присвистнув. Видимо, я покраснел до ушей, потому что обе вновь рассмеялись.

В ту ночь я расстался со своей невинностью. До этого раза ничего подобного со мной не было. Мастурбацию я так и не освоил – и не потому, что церковь запрещала, я и сам ее не одобрял. Мне это занятие всегда казалось дурно пахнущим.

После первого захода с брюнеткой меня к себе позвала и блондинка. Та пожелала, чтобы я отлизал ей киску.

– Вот это мне точно слабо будет, – ответил я, помолчав.

В те времена, хотите верьте, хотите нет, оральный секс с женщиной считался смертным грехом. Во всяком случае, в Филадельфии.

Когда я вошел в эту «Русалку Нила», она смотрела мне прямо в глаза, ожидая реакции. Заметив, что глаза мои округлились, она пояснила:

– Доберись до конца, если получится. Тогда точно мо-

жешь считать себя настоящим мужиком. У меня дырочка что надо. Таковую не каждый день встретишь.

Пресвятая Богоматерь, и она ведь не врала! А я-то думал, что мое хозяйство и кобыле не заправишь!

В ту ночь я, перескакивая с одной постели на другую, на-верстал упущенное за многие годы, убажая двух этих весь-ма искушенных дам. Обе словно взбесились. Но я выдержал – молод был и здоров. На следующее утро я подумал: сколько же я в жизни упустил! Эти две танцовщицы в одну ночь не хуже университета просветили меня по части удовлетво-рения женщины. В те времена книжек об этом не писали и все половое воспитание ограничивалось обменом мнениями с друзьями, которые знали обо всем этом еще меньше меня.

В этой палатке я провел не одну ночь, большей частью с брюнеткой, засыпая укрытый ее роскошной, благоухавшей духами гривой. Бедняга Янк – тому приходилось спать на холоде и на сырой земле. По-моему, он так и не простил мне этого. (Янк был человеком порядочным и прожил хорошую жизнь. Никогда не совершал дурных поступков. Умер далеко не старым, я тогда еще сидел. Меня, разумеется, не отпу-стили на его похороны. Как и на похороны брата и сестры. Янк рулил ресторанчиком «Мэлли» на Уэст-Честер Пайк, он писал мне в тюрьму, что, мол, задумал устроить прием в мою честь, когда я выйду. Вот только не дождался он меня – у бедняги Янка случился инфаркт, который и свел его в могилу.)

Когда мы добрались до штата Мэн, лето уже подходило к концу. Наступил сентябрь, а с наступлением холодов карнавал «Риджент» всегда отправлялся на юг, во Флориду, где оставался всю зиму. Мы были в Кадмене, там состоялось последнее в том сезоне представление. Милях в сорока находилось одно лесозаготовительное предприятие, поговаривали, что там нужны работники. И мы вместе с Янком на своих двоих по раскисшей от дождей лесной дороге направились туда. Я понимал, как мне будет не хватать моей «египтяночки», но, как только мы сняли палатки и погрузили их скарб на грузовик, наша работа кончилась.

На работу нас приняло лесозаготовительное предприятие. Янка определили на кухню помощником. Ну а меня по причине моих габаритов тут же направили на распилку деревьев. На валку леса я не годился – слишком молод, – а вот срубать ветки, то есть превращать стволы поваленных деревьев в бревна, это пожалуйста. Потом бревна бульдозером подтаскивали к реке и спускали на воду. По воде они доплывали до того места, где их вытаскивали и грузили на машины. Работа была тяжелой. Ростом я был 185 сантиметров и весил 79 килограммов – после 9 месяцев работы на мне не было уже ни грамма жира.

Спали мы в хибарах, где стояли и железные печурки, мы питались «жарким» или тем, что таковым называлось. Одно жаркое по три раза на дню. Но когда ты вдоволь намахнешься топориком, тут уже не до вкусовых качеств еды.

Тратить деньги там было не на что, и нам с Янком удалось кое-что прикопить. Мы с Янком в карты играть и не садились, а не то нас вмиг обчистили бы.

По воскресеньям здесь играли в совершенно дикую разновидность регби. Вот в этом я участвовал. И никогда не придерживался правил, при условии, если они вообще существовали. Главное – сбить противника с ног.

Почти каждый вечер, если не шел снег, мы боксировали на огороженном канатами импровизированном ринге. Никаких перчаток, разумеется, не было, приходилось обматывать кулаки бинтами. Всем хотелось поглядеть на мальчишку, сражавшегося против 20—30-летних мужиков, и я, уступая многочисленным просьбам, выходил на ринг. Все это очень напоминало воспитательные акции отца. Мне уже казалось, мне на роду написано биться с теми, кто старше меня. Только эти ребятки колотили посильнее моего папаши. Я не раз проигрывал, но и мои удары тоже кое-кому даром не проходили, к тому же я овладел и разными хитрыми приемами.

Думаю, мощный удар – это врожденное. Рокки Марчиано пришел в бокс уже после войны, в 26 лет, но вот у него сила удара была врожденной. Конечно, чем рука длиннее, тем сильнее удар, однако главная сила идет из предплечья в кисть. Сила как бы перескакивает из предплечья в кулак, которым ты нокаутируешь соперника. Если этот прием доведен у тебя до совершенства, ты даже слышишь, как эта сила

перескакивает в твой кулак – будто щелчок раздается. Взять хотя бы Джо Луиса с его шестидюймовым нокаутирующим ударом. Ему хватало двинуть кулаком всего-то с 6 дюймов, и раз – соперник в нокауте. Вся сила – в резкости удара. Это как заехать кому по заднице полотенцем – сила больше в полотенце, а не в твоей руке.

А если подучиться еще парочке приемчиков, ты, считай, вооружен. Говорят, Джек Демпси нахватался всех этих трюков в 13 лет в шахтерских поселках в Колорадо. Готов в это поверить после своих 9 месяцев в лесах Мэна.

Летом мы на попутках добрались до Филадельфии и внезапно поняли, что у нас появился новый интерес, кроме бокса – девчонки. Я работал на двух или трех работах, искал подработки, где только мог, пока в конце концов не поступил учеником в «Перлстейн глэсс компани» на 5-й улице и Ломбард-стрит. Тогда деловой квартал начинался сразу же за Скотч-стрит, теперь туда бегают за покупками детишки. А я учился на стекольщика. Учился тому, как вставлять стекла в окна всех этих огромных городских зданий. Иногда работал в мастерской по декоративной обработке стекла. Многому я там научился, да и работа эта не шла ни в какое сравнение с лесоповалом. Бывало, день заканчивается, а я как жеребчик – энергии хоть отбавляй, только по девчонкам и бегать наперегонки с Янком.

Моим секретным оружием в борьбе с Янком были танцы. Большинство детей вроде меня – неуклюжие и косолапые.

Я был исключением. У меня было хорошее чувство ритма, и я прекрасно владел телом, имел подвижные ловкие руки и отличную координацию. Вся страна помешалась тогда на свинге, все вокруг под него только и отплясывали. Я бегал на танцы шесть раз в неделю (по воскресеньям никогда). И все время в разные места. Вот так и научился танцевать. Чтобы научиться танцевать, надо постоянно бегать по танцулькам. Тогда еще придерживались каких-то движений, не то что сейчас. После войны я даже какое-то время работал учителем танцев.

В 1939 году, когда мне было 19 лет, мы с моей партнершей по танцам Розанной Де Анджелис заняли второе место в «Харвест Мун Болл» – конкурсе танцевальных пар в Мэдисон-сквер-гарден (участвовало около 5000 пар). Розанна была очень грациозной танцовщицей и отличной партнершей. Мы познакомились с ней уже в Мэдисон-сквер-гарден – нас свел случай: ее партнер серьезно повредил ногу во время репетиции. А моя партнерша что-то занемогла: то ли устала, то ли еще что-то. Ну, мы и станцевали с Розанной. Этот фестиваль танцев был крупнейшим в стране. Проводился он ежегодно, а спонсором была газета «Нью-Йорк дейли ньюс». Много лет спустя я научил свою дочь всем танцам – румбе, танго и так далее.

В фирме «Перлстейн глэсс компани» я зарабатывал неплохие деньги – без малого 45 долларов в неделю. Это было намного больше, чем зарабатывал мой отец. Из этих денег

я оплачивал пансион, поэтому теперь нам незачем было бегать с места на место. Моя сестра Пегги еще ходила в школу, а после школы подрабатывала в большом магазине «Эй Энд Пи», расставляя товары по полкам. Мой брат Том с нами уже не жил – он бросил школу и вступил в Гражданский корпус охраны окружающей среды¹⁶.

Ну а остальные денежки за вычетом квартплаты и еды уходили на танцы. Конечно, на девушек всегда требовались деньги, но мы с Янком нашли способ веселиться и без денег. Однажды я пригласил одну симпатичную веснушчатую ирландку искупаться в речке у Дерби Роуд, там, где сейчас располагается больница «Мерси Фитцджеральд Хоспитал». Речка эта лежала метрах в ста от дороги. Янк незаметно подкрался к нам и стащил нашу одежду. А потом, поднявшись на холмик, крикнул моей девушке выйти из воды, одеться и пойти с ним, а не то он убежит вместе с ее одеждой. Ну, она выбралась из воды, оделась и ушла с ним, а Янк дал какому-то мальчишке 25 центов, чтобы тот приглядел за одеждой, пока они не скроются из вида. Они ушли достаточно далеко, мальчишка стремглав унесся прочь, ну а я остался несолоно хлебавши.

Я перед ним в долгу не остался – вот только не помню точно, как именно я его разыграл. То ли стал распускать слухи,

¹⁶ Гражданский корпус охраны окружающей среды (англ. *Civilian Conservation Corps, CCC*) – программа государственного трудоустройства безработных в рамках «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, действовавшая в 1933–1942 гг. и направленная в основном на сохранение природных ресурсов.

что, мол, его девчонка забеременела, а он, дескать, толком и не знал от кого. Может, и так. А может, еще каким-то образом подставил? Вполне допускаю. Но не более того – дальше шуток дело не заходило. Нас теперь уже не интересовали уличные стычки, мы теперь подвизались на новом поприще – кавалеров танцев и бабников. Мне из принципа не хотелось, чтобы полученные мною от циркачек постельные навыки пропали даром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.